

...В песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

ИСТОРИЯ ПОДВИГА

Каждый раз, когда снаряды ложились пепелку от землянки, огоньков кортиков, стоявшей на столе, подсказывал, точно хотел оторваться от своего основания.

Мы с командиром второго батальона Балымковым лежали на нарах. Бреши, служившие потолком, были уложены немногим, сквозь щели слышилась земля. Мы укрылись плащ-палатками. В землянке у командира сидели шесть человек из пятой роты. До того как прибыть батальон, Балымков командовал этой ротой. Он хорошо знал этих людей.

Крайним сидел Лавриненко.

— Грамотный и толковый человек. Но замучился очень. Не в меру замучился — ни одного попадания. Все патроны — белый свет, как в конечечку. А Матвишин взялся за него и дөвёл. Стрелком не плохим сдал.

Да и не только со стрельбой, — вспоминал Балымков, — вообще у Лавриненко никакого вида не было. Пришёл в батальон: шинель жёваная какая-то, горбом, а с шинелью мешок в три пуда. «Что это у вас?» — спрашивал. «Личные вещи», — говорил.

На каждом призыве Лавриненко сидел у своего мешка и перебирал вещи, может быть дорогие сердцу, но в походе совершил немножко и обременительные. Потом каждая та же перебирала мешок, заметно худел. И только один раз Лавриненко увеличил вес своего мешка. Нашлившись к месту боя, батальон проходил брошенный разбитый посёлок. Напануло пособом бомбами вражеские самолёты. В разбитом доме подбрасывал Лавриненко книжку.

Сколько весу было в этой книжке с обгоревшим переплётом? Может быть, граммов четыреста, пятьсот. Всё нехорошее.

Но в походах, когда каждый шаг даётся с трудом и один грамм кажется больше немножко и обременительным. Потом каждая та же перебирала мешок, заметно худела. И только один раз Лавриненко увеличил вес своего мешка. Нашлившись к месту боя, батальон проходил брошенный разбитый посёлок. Напануло пособом бомбами вражеские самолёты. В разбитом доме подбрасывал Лавриненко книжку.

Слева от Лавриненко сидели Чашарин и Чернобай.

У Чашарина была слава ловкого разведчика, он был известен своей храбростью. Чернобай был ротным агитатором. Однажды Балымков застал его за спрятанным за спиной большим пакетом Чернобай зачинил коры на толстой сонсе.

— Что вы делаете, Чернобай? — спросил Балымков.

— Лесную газету думало устроить.

В батальоне не было бумаги для стёгной газеты. И Чернобай приспособил освобождённую от коры поверхность дреесных стволов. Чертинским карапаном писал он на деревьях короткие стихи, лозунги. На толстой сонсе Чернобай написал: «Боец! Знаешь ли ты, что такой Матвей Фатеев? Если не знаешь, спроси у товарища».

Матвей Фатеев был связистом. В бою, под жестоким огнём он обесцвечивал связь. Раненый, он принял к командику и сказал:

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин сказал негромко:

— Успокуи они! Давай, Лавриненко.

Лавриненко вытащил книжку и продолжал прерванное написание приходом членов:

«Вот, он тебе в фи и положит твою душу, и начнёт тебе это не сговаривая, а ей и горю для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли жало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то!»

Он читал, как влажный ветер разносил мыслы на берег моря волны, как пела красавица Нонка, дочь Макара Чудры. А за дверь землянки шла превесенняя ночь. В такие夜里, по вспоминанию

— Связь установлена. Я ранен. Дайте саниту.

И умер через три минуты...

Усталый Калмыков задремал.

Тогда Чашарин